

В тот день в деревню заглянул разносчик. Он привез с собой два свежих лотка тофу и разную мелочевку.

Тофу стоил копейки, поэтому многие охотно брали его, чтобы потушить с капустой. Раньше сельчане, возможно, и пожалели бы эти несчастные медные монеты, но сейчас стояла жаркая страда: и старые, и малые целыми днями пропадали в полях. Работа была тяжелой, изнурительной, так что волей-неволей приходилось подкреплять силы чем-то вкусным, иначе недолго было и свалиться от усталости.

Чжоу-гэр оказался проворнее всех — успел урвать несколько кусков. Уже собираясь уходить, он заметил Гуай-цзая, который бродил неподалеку один. Чжоу-гэр решил немного подразнить малыша, а напоследок отделил два куска тофу и велел нести домой.

Продукт был недорогим, всего по два вэня за штуку, поэтому Чжао-гэр не стал заставлять сына возвращать подарок. В доме как раз нашлось немного нежирного мяса: он решил мелко порубить его и протушить вместе с нежным тофу.

Вечером, вернувшись со службы и увидев на столе новое блюдо, Фан Цзычэнь поинтересовался, откуда оно. Узнав, что заходил торговец, он не придал этому значения. Тофу был приготовлен на славу — с насыщенным ароматом соевых бобов; в сочетании с мясом он Цзычэню очень понравился. Лишь почти насытившись, он мечтательно произнес:

— Эх, сюда бы еще чесночного соуса с чили, было бы совсем идеально.

— Что еще за чесночный соус с чили? — переспросил Чжао-гэр. — Это какой-то особенный перец? Если хочешь, я схожу к Чжоу-гэру и куплю у него немного чили, у них в огороде растет.

В их собственном дворе красовались лишь редька да капуста, а вот перца они не сажали.

Цзычэнь покачал головой:

— Нет, это совсем другое. Намного вкуснее обычного перца.

Чжао-гэр, снедаемый любопытством, принялся расспрашивать дальше.

Фан Цзычэнь в общих чертах описал рецепт. Чжао-гэр слушал очень внимательно, и в глазах его загорелся живой интерес.

— Муж, когда у меня выдастся свободное время, я куплю у Чжоу-гэра несколько цзиней перца и попробую приготовить этот соус, ладно?

В уме он уже строил свои маленькие планы. Цзычэнь говорил об этом соусе с таким сожалением, что если бы ему удалось его воссоздать, супруг наверняка был бы в восторге. А там, глядишь, можно будет и на продажу выставить!

— Как пожелаешь, — Цзычэнь заботливо положил кусочек тофу в миску супруга. — Занимайся чем хочешь, главное — не перетруждайся.

Оба они были по горло заняты работой и виделись редко, но, как говорится, время — как вода в губке: если хорошенько надавить, всегда можно выжать хоть каплю.

Фан Цзычэнь неизменно находил минутку, чтобы пофлиртовать с Чжао-гэром. Острые словечки так и сыпались из его уст. Древние люди были существами сдержанными: прежде чем сказать заветное «люблю», они ходили вокруг да около, подбирая витиеватые метафоры. Цзычэнь же был совсем иного склада. Его ежедневные признания в духе «Я люблю тебя, как мышка любит рис» заставляли Чжао-гэра всякий раз заливаться краской. Когда супруг сердито сверкал глазами, Цзычэню казалось, что тот с ним заигрывает, а когда игнорировал — видел в этом лишь робкое кокетство.

Несколько дней назад старый плотник прислал своих сыновей, чтобы те доставили кровать, заказанную Чжао-гэром. Ложе шириной в метр восемьдесят, сработанное из цельного дерева и украшенное изящной резьбой, заняло свое место в комнате.

Гуай-цзай, в восторге от новой покупки, успел несколько раз перекувырнуться на твердой поверхности кровати, прежде чем Цзычэнь подхватил его на руки и укачал.

Вскоре в комнате воцарилась тишина. Чжао-гэр, закусив губу, замер у порога, не решаясь войти.

Раньше он сам искал близости, твердя, что хочет родить Цзычэню ребенка — тогда он и впрямь ничего не боялся. Когда же Цзычэнь мягко ему отказал, он даже почувствовал легкое разочарование.

Тогда Фан Цзычэнь отшутился, сославшись на старую кровать, но стоило в кошельке появиться серебру, как он тут же поспешил заказать новую. И теперь Чжао-гэр внезапно ощутил необъяснимую нервозность.

Цзычэнь вольготно разлегся на кровати, подперев голову рукой и не сводя взгляда с двери.

— Чжао-гэр, ну чего ты там стоишь? Заходи! Ночь тиха, муж твой изнывает от одиночества! Скорее иди ко мне, Чжао-гэр. Обсудим смысл жизни... обменяемся, так сказать, опытом!

От этих слов лицо Чжао-гэра вспыхнуло пунцовым цветом. Он судорожно сжимал край своей одежды, а из комнаты доносился издевательски-веселый смех Фан Цзычэня.

Сделав глубокий вдох и пытаясь унять дрожь, он негнуцимся шагами подошел к постели.

Фан Цзычэнь привалился к изголовью, небрежно закинув ногу на ногу. Тусклый свет маленькой лампы падал на его лицо, смягчая черты и делая его похожим на изваяние из теплого нефрита.

— Что, страшно стало? — с усмешкой спросил он.

— Вовсе нет, — упрямо буркнул Чжао-гэр.

Цзычэнь похлопал по месту рядом с собой и лукаво вскинул бровь:

— Ну, раз такой смелый, то поднимайся ко мне.

Чжао-гэра задел этот вызывающий тон, и он решил припомнить старое:

— А не ты ли раньше говорил, что считаешь меня братом?

Фан Цзычэнь поперхнулся и на мгновение лишился дара речи. Спустя секунду он заерзал, потирая ладони, и заговорил заискивающим тоном:

— Ой, ну что ты вспоминаешь... Молод я был тогда, глуп, жизни не знал! В голове — одни государственные дела да думы о благе родины, вот о любви и не помышлял.

Это было бесстыдное вранье, и Чжао-гэр, прекрасно это понимая, лишь скептически скривился:

— А сейчас?

Цзычэнь придвинулся ближе, затянул его на кровать и, нежно ущипнув мужа за горящую щеку, рассмеялся:

— А сейчас в моем сердце только ты. И все мысли — лишь о том, как бы тебя тискать и миловать, миловать и тискать... без конца.

— Ах ты, бесстыдник! — Чжао-гэр оттолкнул его руку, не на шутку разволновавшись. — Ты и с другими девушками раньше так же себя вел?

Вот это было уже несправедливо.

Фан Цзычэнь тут же принялся клясться в верности:

— Да как ты мог такое подумать! Конечно, я хорош собой, ростом не обделен, да и из богатой семьи — настоящий завидный жених, по которому сохло немало красавиц. Но муж твой в ту пору был подобен цветку на высокой вершине: холодный, неприступный, женщин к себе и на пушечный выстрел не подпускал... Да и, честно говоря, никто не был достоин моего взгляда.

— А сейчас? — приглушенно спросил Чжао-гэр.

Цзычэнь склонился к его уху и прошептал:

— А сейчас в моих глазах, кроме сонной закиси, только ты один, сокровище моё.

Уголки губ Чжао-гэра невольно дрогнули в улыбке, но он нарочно продолжал придираваться:

— Только я? А как же сын?

— Такими вещами не шутят, дружище, — серьезно отозвался Цзычэнь.

В комнате было душно, поэтому Гуай-цзай спал в одном лишь легком дудоу, сладко посапывая. Видимо, ему снилось что-то очень вкусное: его розовые губки то и дело забавно причмокивали.

Цзычэнь с облегчением выдохнул и добавил:

— Я за него жизнь отдам, он для меня — самое дорогое. И ты это знаешь.

Будь они в современном мире, Цзычэнь наверняка претендовал бы на звание лучшего отчима страны. Он берег Гуай-цзая как зеницу ока, только что сам его убаюкивал. Но и малыш рос не по годам смысленным. Как-то раз кто-то угостил его половинкой свежего огурца. Зная, как отец любит овощи, Гуай-цзай не отъел ни кусочка — спрятал за пазуху и сидел у ворот деревни, дожидаясь, пока Фан Цзычэнь вернется с работы.

Едва завидев отца, он бросился к нему, протягивая свое сокровище: «Это тебе, папа, самое вкусное!» В тот момент Цзычэнь едва не расплакался от избытка чувств.

Чжао-гэр прильнул к его груди и запечатлел невесомый поцелуй на его кадыке. Это место у Цзычэня было невероятно чувствительным: внутри него словно что-то взорвалось, кровь в мгновение ока закипела в жилах. Чжао-гэр потянулся, чтобы расстегнуть ворот его рубахи, но Фан Цзычэнь резким движением перехватил его руку.

<http://bllate.org/book/15357/1436196>